

КЛИНИКА GILLETTE

(глазами тех, кто через неё прошёл)

«Клиника лечит пациентов. Заботливое сообщество поддерживает людей».

I. Клиника

Помню, мать рассказывала, что в шестидесятые годы, когда ей пришло время меня рожать, клиник было мало, а больница была для больных; вот она и выбрала лучшее место, какое могла: собственный дом, собственную постель.

Едва я родился, там оказалась женщина, которую называли повитухой, и она сказала матери, что я получился на славу — и что, если матери я не нужен, она заберёт меня к себе домой.

Мать сразила её взглядом. Но повитуха, наверное, не знала, что я никогда не буду принадлежать одной женщине, а буду — всем женщинам, которых встречу; и двадцать лет спустя я пришёл к ней домой. Я человек слова. Я не мог её разочаровать.

Это вступление — не литературная ирония и не шутка. Оно означает только одно: клиника как место — явление новое. Она не досталась нам ни от египтян, ни от ассирийцев, ни от вавилонян. Она всего лишь продукт системы здравоохранения, которая сделала из патологии коммерцию, а из своих лекарств — бренд.

Она никогда не стремилась заменить больницы, которые остаются институтом; и всё же всегда внушала пациенту, что за деньги он может получить больше — лучшее.

Одни места выполняют функцию. Другие становятся возможностью.

Был день открытия клиники в моём городе: первой в своём роде, способной предложить полный перечень, охватить всю медицину, по крайней мере базовую — медицину простых людей, так сказать.

Назначили трёх главных врачей, которым предстояло выстроить медицинскую структуру. Проведя собеседования с кандидатами во врачи, они заперлись в комнате, чтобы обменяться мнениями о том, как вести отбор.

То, что следует дальше, я передаю не как правду, а как нуар — мне его рассказала компания друзей-врачей, только что ушедших на пенсию из итальянской системы здравоохранения; они рассказывали это нам, продажникам, чтобы нас посмешить и дать понять, что у них тоже есть свои истории.

Байка, которую лично я считаю дворовой, из тех горьких шуток, какие сами врачи отпускали о других врачах — породе странной и особенной, которой я больше не доверил бы даже лечение своего кота.

Я записываю её не как приговор, а как портрет того, сколько недоверия простые люди уже накопили к медицине, которую больше не чувствовали своей.

Рассказывали так. Старший из троих — человек, работавший ещё при старом режиме, — сказал, что объяснит, как выбирать новых врачей, по принципу, который он называл принципом числа три.

Если найдёте врача, который понимает много, отправляйте его в общую практику: там он с опытом на большинство вопросов ответит сам.

Если найдёте средних, способных, но не блестящих, ставьте их в операционные: так, вскрыв, они увидят, что там есть, и научатся это исправлять.

А тем, кто понимает мало или приходит по рекомендации партий и по спискам на трудоустройство, давайте такие задачи, где — так гласила жестокая шутка — почти всю работу за них делает природа.

Такова, разумеется, была дворовая версия. И, как всякая дворовая байка, она говорит не столько о врачах, сколько о тех, кто её рассказывал: о том, как мало веры у них осталось.

Так и родилась клиника. Её подлинный опыт создавали пациенты; и говорили о нём только живые — те, кому повезло, а не те, кого коснулось несчастье. А когда всё оборачивалось к худшему, клиника Севера — в любой стране — олицетворяла лучшее: потому что Север всегда вызывал мысль о богатстве и промышленности, и там, когда платишь за лечение, кажется, что оно лучше.

Потом закрыли судебно-психиатрические лечебницы, и появились психиатрические клиники — позже перепрофилированные под неврологические заболевания. Лечили уже не только официально признанных сумасшедшими, но и другие патологии.

II. Эпилог

Клиника — это здание. Сообщество заботы — нечто большее.

III. Страница автора

Эту работу никто не заказывал.

Её не продавали.

Она создана не в коммерческих целях.

Она написана, чтобы засвидетельствовать ценность реабилитации, человеческого достоинства и отношений между людьми.

Единственная плата, о которой я прошу, — один символический доллар — не в уплату за труд, а в знак общей приверженности культуре заботы, надежды и ответственности.

Фердинандо